

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(47)''1914/1918''+32.019.51
DOI 10.26456/vthistory/2023.1.179–185

КУЛЬТУРЫ ПАТРИОТИЗМА В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: СБОРНИК СТАТЕЙ / [ПОД РЕД. К.А. ТАРАСОВА, СОСТ. И ПРЕДИСЛ. Б.И. КОЛОНИЦКОГО]. СПБ.: ИЗДАТЕЛЬСТВО ЕВРОПЕЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ, 2020. – 318 С. (ЭПОХА ВОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ; ВЫП. 13)

В.П. Булдаков

Институт российской истории РАН, г. Москва, Россия

Из статей рецензируемого сборника видно, что, вопреки распространенным представлениям, отношение населения европейских стран к Первой мировой войне оказалось далеко не однозначным. Патриотические эмоции захватили лишь незначительную часть городского населения. Вместе с тем война способствовала развитию всевозможных фобий, чем воспользовалась официальная пропаганда. Все участники сборника так или иначе подтверждают, что патриотизм – феномен архаичный, неустойчивый и трудноуловимый. Легче перечислить его исторические проявления, нежели выявить закономерности активизации и развития. Патриотизмом скорее пользовались, нежели вдохновлялись. Как и в других странах, от верноподданничества массы ожидали от власти награды за «патриотизм». За «возвышенными» чувствами мог таиться вполне прагматичный расчет.
Ключевые слова: *Первая мировая война, военная пропаганда, патриотизм, национализм.*

«Первую мировую войну невозможно представить без патриотической мобилизации во всех воюющих государствах, мобилизации, повлиявших на культуры разных стран» (с. 5), – такими словами открывает рецензируемую книгу Б. Колоницкий (Европейский университет в Санкт-Петербурге). Не секрет, что порой историки прямо воспроизводили патриотический дискурс прошедшей войны в своих текстах, отказываясь тем самым от анализа психологической

подоплеки происхождения и итогов общеевропейской катастрофы. Предполагается, что задача данного сборника глубже: отделить патриотизм, как естественное чувство, от патриотизма как средства мобилиации общества. Впрочем, речь идет не только и не столько о собственно патриотизмах, сколько о сложных идентификационных и этнических взаимоотношениях, им сопутствующих.

Сборник основывается на докладах, сделанных на международной

конференции «Патриотические культуры во время Первой мировой войны», проходившей в 2014 г. в Европейском университете в Санкт-Петербурге.

Не секрет, что в российском общественном сознании и даже в научной литературе существует поверхностное представление о патриотизме: это нечто единообразное, наличие которого определяется внешними манифестациями. Так, некоторые авторы пишут о всеобщем «патриотическом подъеме» и на Западе, и в России в связи с началом войны¹, хотя западные историки скептически оценивают «дух 1914 г.»² и даже отмечают «мрачное настроение» социальных низов, особенно в сельской местности³. Часто современные ура-патриотические представления связаны с желанием «не отстать» от патриотов прошлого. Данный сборник убеждает, что внешние проявления патриотизма оказывались крайне неоднородными изнутри.

Вводная статья Х. Стрэчена (Великобритания, Сент-Эндрюсский унт) призвана показать, что сосуществование «народного» и «династического» патриотизма в начале XX в. приняло весьма напряженный характер. Даже общественную благотворительность можно рассматривать как скрытую (патриотическую!) форму критики государства (с. 17), не справляющегося со своими естественными патримониальными функциями. В

связи с этим автор проводит важную мысль: патриотизм *sui generis* явление «сельское» (с. 29–30). Соответственно, урбанизация порождала его психоэмоциональную инверсию в виде национализма, легко перерождающегося во всевозможные фобии.

Как и следовало ожидать, первостепенное значение было уделено «имперским» патриотизмам – главным образом в России и Австро-Венгрии. Е.Ю. Сергеев (Институт всеобщей истории РАН) связывает российский патриотизм преимущественно с борьбой с «немецким засильем». По его мнению, национальные фобии возникают благодаря целому комплексу политических, социокультурных и экономических составляющих и как «любые девиантные формы проявления социальной психологии... достигают своей кульминации... в переломные моменты исторического развития государств...» (с. 39). В России германофобию насаждало само правительство, опираясь на буржуазию и помещиков, конкурирующих с немецким капиталом и землевладением внутри России, а также используя надежды крестьян на раздел земель колонистов и готовность городских низов к разграблению имущества «немцев» (с. 50).

Вероятно, следовало бы добавить, что антигерманский «патриотизм» оказал дурную услугу правительственной власти: в симпатиях к немцам, а затем и в предательстве

¹ Юдин Н.В. Патриотический подъем в странах Антанты в начале Первой мировой войны. М., 2017. С. 230.

² См.: Verhey J. The Spirit of 1914. Militarism, Myth and Mobilization in Germany. Cambridge, 2006.

³ Ziemann B. War Experience in Rural Germany 1914 – 1923. New York, 2007. P. 32.

национальных интересов со временем заподозрили самих Романовых. Вектор патриотических эмоций изменился. Под покровом патриотизма обострилась идейная и политическая борьба, что способствовало падению правящей династии. Свыкнуться с существованием внешнего врага относительно легко, напротив, мирное сожительство с внутренним врагом невозможно.

М.Н. Лукьянов (Пермский государственный университет) продолжил тему российской германофобии – на сей раз на примере позиции правых партий, до войны симпатизировавших Германии. По его мнению, эти симпатии в неявной форме сохранились и в годы войны (с. 60), что отнюдь не способствовало желанному «патриотическому единению». Так или иначе, с точки зрения правых, «высшим проявлением патриотизма было неукоснительное исполнение команд сверху, а попытка предъявлять правительству какие-либо требования, как это делал Прогрессивный блок, трактовалась как государственная измена» (с. 62). В условиях, когда правительственная власть теряла авторитет в качестве патриотической силы, такая установка правых была самоубийственной.

В любом случае устойчивого гражданского патриотизма в России не могло быть: религиозно-мессианский «патриотизм» Средневековья ушел в прошлое, этатизированная его форма («жизнь за царя») исчерпала себя, новый – гражданский – патриотизм не сформировался, а попытки

властей и элит внедрить расово-гегемонистскую (панславистскую) форму патриотизма не дали ожидаемого результата. Нечто подобное отмечалось в Австро-Венгрии: крестьянское население было скорее озабочено судьбой будущего урожая, нежели победами империи. Здесь возникла противоречивая картина милитаристских и антивоенных настроений, доносов и даже поношений императора, идущих от низов и эмоционально взвинченных женщин⁴.

При анализе ситуации в Австро-Венгрии обычно выделяются манифестации «гражданского» патриотизма народов империи. Применительно к чехам он оказался то ли демонстративно поверхностным, то ли амбивалентным. Как считает М. Корнуолл (Великобритания, Саутгемптонский ун-т), чешский пример показывает, что «патриотизм – неуловимый феномен, доступный лишь наблюдателю, причем его восприятие в значительной степени зависит от избранной линзы» (с. 70). Патриотический консенсус легко мог быть разрушен в связи с тем, что габсбургский режим «не мог оправдать многочисленных ожиданий, родившихся в начале войны» (с. 77). Слабость имперской власти стимулировала рост окраинного патриотизма (с. 84–85), в результате чего «древнюю миссию Габсбургов превзошли региональные патриотические инициативы, предлагавшие гражданам больше безопасности в послевоенном мире» (с. 92).

4 Миронов В.В. Австро-Венгерская армия в Первой мировой войне:

разрушение оплота Габсбургской монархии. Тамбов, 2011. С. 19–20, 65–66.

В сущности, это была стандартная ситуация для полиэтничных империй, однако она варьировалась применительно к тем или иным социумам. Так, К. Хаммерле (Австрия, Венский ун-т), анализируя особенности милитаризации феминизма в Австрии, пришла к выводу, что война спровоцировала взрыв женского патриотизма, который, однако, соответствовал традиционным гендерным ролям. Феминистки и пацифистки отложили на время свои политические требования, рассчитывая получить в награду гражданские права. Вместе с тем политика гражданского мира оказалась скорее «патриотическим конструктом, а не реальностью» (с. 112–113).

Специальный раздел посвящен «сложным реальностям и идентичностям» военного времени. Дж. Бьёрк (Королевский колледж Лондона) рассматривает их эволюцию на примере польскоязычных германских подданных. Как выяснилось, противоречие между имперской лояльностью и этнической солидарностью отнюдь не стало определяющим в настроениях поляков. Более того, солдаты-поляки обнаружили достаточно высокую степень имперской лояльности, что вызывало удивление чиновников рейха (с. 126–127). Этнотипизируются соответственно проявлениям как силы, так и слабости империи. В статье Т. Уикса (США, Южно-Иллинойский ун-т) показано, что германская оккупация Вильнюса – полиэтничного города с преимущественно польским населением – повлекла за собой серию польско-литовских конфликтов, в результате чего его население стало более гомогенным (в том

числе за счет ухода русского населения) (с. 160).

На оккупированных территориях культура патриотизма проявила себя по-своему. Так, в Бельгии, которая в России воспринималась как образец национальной стойкости, основная масса ее населения практиковала пассивные формы сопротивления (отказ от насилия по отношению к немцам, воздержание от сотрудничества с оккупационными властями). При этом, как показала С. де Скапдрейвер (США, Пенсильванский ун-т), склонность к коллаборационизму подчас приобретала классовый, гендерный и этнический уклон: работницы-швей занимались пошивом мешков для песка, используемого на фронте (с. 171–172); некоторые фламандские интеллектуалы при поддержке оккупационных властей пытались пропагандировать отделение Фландрии от Бельгии (с. 178–179). Сложные идентификационные ситуации возникли перед войной и в её годы у хорватов и сербов. И. Банац (США, Йельский ун-т), анализируя особенности национального вопроса в условиях военного плена, показал, что «братья-славяне» (которых намеревалось освободить российское самодержавие) отнюдь не имели четких планов на будущее. В сущности, их патриотизм лишь формировался, будучи при этом зависимым от военной судьбы Габсбургской империи. Автор полагает, что «спорная идеология югославского унитаризма» явно противоречила реальным устремлениям практически всех южных славян (с. 202). Особый интерес вызывает статья А. Заярнюка (Канада, Виннипегский ун-т) об отношении галиций-

ских украинцев к Габсбургской империи. Автор отмечает, что для украинских радикальных политиков был характерен своего рода доктринальный национализм, основывающийся на абсолютной поддержке империи, противостоящей российским захватчикам; в патриотизме солдат, звучащем в газетных стихах, преобладали эмоциональные мотивы; переписка солдат из бывших крестьян с родными совершенно не касалась политики. В последнем случае война воспринималась как стихийное бедствие, требующее жертв во имя защиты привычного миропорядка. Правда, автор допускает, что «традиционный» патриотизм в критических условиях мог приобрести политизированное воплощение (с. 225). На этом фоне «освободительные» лозунги российской пропаганды выглядят чем-то заведомо бесполезным.

Раздел о патриотизмах в странах – союзниках России выглядит неполным – речь идёт лишь о ситуации во Франции и США. Вместе с тем, статья П. Пёрсегля (Великобритания, Ущригский ун-т) о соотношении регионального и общенационального патриотизма принципиально важна в познавательном отношении. Оказывается, что склонность к локальной самоидентификации отнюдь не исключала национальной мобилизации, которую обеспечивают урбанистические сообщества (с. 230). Однако начало войны отнюдь не вызвало взрыва национализма – последний набирал силу по мере затягивания войны: в сознании местного населения сложилось убеждение, что военное поражение – конец собственной культуры и образа жизни (с. 237). С

другой стороны, наблюдался рост доверия властей и различным общественным организациям (с. 252). В общем, происходил прямо противоположный российскому процесс. В США, как показано в статье Дж. Д. Кин (США, Ун-т Чемпена), пришлось решать ещё более сложную задачу достижения общенационального единства вопреки не только устойчивому регионализму, но и этнообщинному и языковому изоляционизму, не говоря уже о расовом неравенстве. Задача стимулирования патриотической солидарности решалась путем пропагандистского втягивания различных социумов во всевозможные кампании: от регистрации на призывных пунктах до манипулирования (с помощью посул и угроз) сознанием меньшинств (итальянцев, немцев, черных и т.п.) (с. 286). При этом решающую роль сыграла убежденность населения, что успешная война сулит определенные социальные, этнические и индивидуальные выгоды.

Проблема соотношения патриотизма с крайними формами национализма (последний раздел), несомненно, является наиболее болезненной для современного либерального и социалистического сознания. Возникновению фашизма в Италии, по мнению С. Рейнхарда (Германия, Констанцкий ун-т), предшествовало убеждение значительной части интеллектуалов, что только национализм дает надежду на лучшее будущее страны (с. 291). Тем не менее, существовало социальное большинство в лице рабочих и крестьян, проявлявших не только безразличие, но и враждебность по отношению к войне

(с. 293). Вероятно, зарождение фашизма было связано с крахом надежд на военную победу, разочарованием в либеральных ценностях в верхах и утратой веры в социальную справедливость в низах. Косвенно это подтверждается статьей К. Филлиу (США, Ун-т Беркли) «Либерализм и путь к государственной измене в Османской империи». Из текста видно, что здесь патриотическая пропаганда стала особенно доходчивой в связи с ростом ресентиментных настроений. К этому добавилась ненависть к «либералам» как «предателям» нации (с. 315).

В сущности, все исследователи прямо или косвенно констатируют, что патриотизм – феномен архаичный, неустойчивый и трудноуловимый. Легче перечислить его исторические проявления, нежели выявить закономерности активизации и развития. На этом фоне привычные разговоры о российских «патриотизмах» выглядят то ли зауженными, то ли бессодержательными как в методологическом, так и в конкретно-исследовательском отношении. Тем, что в

России назвалось патриотизмом, скорее пользовались, нежели вдохновлялись. Как и в других странах, от верноподданничества массы ожидали соответствующей награды. За «возвышенными» патриотическими чувствами мог таиться вполне прагматичный расчёт. Искренний патриотизм, как и героизм, был уделом немногих. Исследование зыбкости «патриотических» манифестаций в годы войны могло бы существенно обогатить представления об особенностях российского общественного сознания.

Патриотизм следует понимать как чувство солидарности с духовно близкими людьми, как взаимная верность их сообществу – реальному или воображаемому. Напротив, национализм связан с потребностями государства в поддержке со стороны своих подданных. Соответственно, патриотизм вовсе не означает беспрекословную поддержку существующего государства. Более того, от него может исходить сопротивление власти, показавшейся «чужой».

Список литературы:

1. *Миронов В.В.* Австро-Венгерская армия в Первой мировой войне: разрушение оплота Габсбургской монархии. Тамбов, 2011.
2. *Юдин Н.В.* Патриотический подъем в станах Антанты в начале Первой мировой войны. М., 2017.
3. *Verhey J.* The Spirit of 1914. Militarism, Myth and Mobilization in Germany. Cambridge, 2006.
4. *Ziemann B.* War Experience in Rural Germany 1914 – 1923/ New York, 2007.

Об авторе:

БУЛДАКОВ Владимир Прохорович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт российской истории, РАН, (Россия, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19), e-mail: kuroneko@mail.ru

**CULTURES OF PATRIOTISM DURING FIRST WORLD WAR.
COLLECTION OF ARTICLES [ED. K.A. TARASOV; FOREWORD
BY B.A. KOLONITSKY]. ST. PETERSBURG: PUBLISHING
HOUSE OF THE EUROPEAN UNIVERSITY IN ST. PETERS-
BURG, 2020. – 318 P. (THE ERA OF WARS AND REVOLUTIONS;
ISSUE 13)**

Vladimir P. Buldakov

The Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

It can be seen from the articles in the collection under review that, contrary to popular belief, the attitude of the population of European countries to the First World War turned out to be far from unambiguous. Patriotic emotions captured only a small part of the urban population. At the same time, the war contributed to the development of all kinds of phobias, which official propaganda took advantage of. All the participants of the collection confirm that patriotism is an archaic, unstable and elusive phenomenon. It is easier to enumerate its historical manifestations than to identify patterns of activation and development. Patriotism was used rather than inspired. As in other countries, the masses expected rewards from the authorities for «patriotism» from loyalty. Behind the "lofty" feelings, a completely pragmatic calculation could lurk.

Keywords: *World War I, military propaganda, patriotism, nationalism.*

About the author:

BULDAKOV Vladimir Prokhorovich – Doctor of History, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, (Russia, Moscow, D. Ulyanov str., 19), e-mail: kuroneko@mail.ru

References

Mironov V.V., *Avstro-Vengerskaya armiya v Pervoj mirovoj vojne: razrushenie oplota Gabsburgskoj monarhii*, Tambov, 2011.

Yudin N.V., *Patrioticheskij pod'em v stanah Antanty v nachale Pervoj mirovoj vojny*, M., 2017.

Статья поступила в редакцию 22.01.2023 г.

Подписано в печать 07.04.2023 г.